

тра и «региональной столицы» для всего северо-востока Турции. Очень детально описана планировка города, отмечены особенности отдельных его кварталов («махаля»), описаны жилища разных социальных слоев, размещение торговой сети, базаров и т. п. Особое внимание уделено самовольной застройке («gecesondu»). По подсчетам автора, основанным на материалах делопроизводства муниципалитета, обитатели самовольно построенных домов составляли в 1966 г. 13% всего населения города. Статья представляет несомненный интерес со страноведческой и этнографической точек зрения. Ценна и приложенная к ней библиография (около полустотни работ, из которых многие касаются и общих проблем истории городской жизни и урбанизации в Передней Азии).

Статья П. Виейя и К. Мохсени, посвященная Тегерану, называется «Культурная экология мусульманского города». Она носит чисто описательный характер; авторы очень детально (и с большим знанием дела) рассказывают не только о театрах, кинематографах, библиотеках, но главным образом об отелях, кафе, ресторанах (останавливаясь на особенностях местной кухни и сопоставляя ее с европейской), о кварталах, почти сплошь состоящих из публичных домов (со многими подробностями о быте их обитательниц). На схематических планах города, приложенных к статье, показано размещение отдельных сетей культурно-бытового обслуживания. По существу, в статье нет глубокого анализа культурно-экономической среды Тегерана. Авторы, видимо, и увидели «экологические» аспекты в выявлении различий между районами города. В статье они прямо определяют экологию как «подразделения (территориальные.— В. П.) и взаимоотношения между частями города». На деле же содержание очерка не соответствует названию, он скорее похож на вводные тексты к соответствующим разделам путеводителя по Тегерану.

Упор на внутригородские различия сделан также в коллективной статье сотрудников группы социологических исследований Тегеранского университета П. Виейя, З. Ардалана и А. Г. Ваниссарде о другом иранском городе — Абадане («Абадан, ткань города, его привязанности и ценности»), построенной на материалах анкетного опроса, который был проведен в четырех районах (два из них — чисто рабочие, а в двух других проживают преимущественно служащие разных рангов). Целью анкетирования было выяснить жилищные условия и их оценку самим населением, обеспеченность радиоприемниками, посещаемость кинематографов (а также каким фильмам отдается предпочтение), как читаются газеты, журналы, как жители этих районов используют свой досуг. Содержание статьи, таким образом, довольно узко; она представляет интерес с позиций главным образом «микрореографической» социологии. Явно неполна социальная характеристика пролетариата Абадана. И тем не менее статья интересна для исследователей, поскольку литература об иранском пролетариате вообще очень бедна.

Последняя из оригинальных статей в рецензируемой подборке посвящена Каиру; автор — П. Мартелло — озаглавил ее «Новые масштабы столичного города: Каир». Столица АРЕ показана здесь в развитии. По данным 1960 г., 35% его населения родилось вне Каира. Почти половина приезжих происходит из Дельты, более трети — из Верхнего Египта. Показана (правда, по уже несколько устаревшим для такого динамичного города данным за 1965 г.) все еще низкая занятость населения, особенно в промышленности — 7,5%. Значительная часть статьи посвящена характеристике внешнего облика города; показано его территориальное разрастание (в том числе частичный переход и на левый берег Нила). Автор говорит о различии жилищных условий; в отдельных кварталах (miaka) скученность очень велика (в Баб-эль-Шария плотность населения достигает 140 тыс. чел./км²). Отмечена полезная работа образованного в 1965 г. Министрства строительства и благоустройства; кратко рассказано об осуществлении планировочной реконструкции города, диаметр которого достиг 50 км.

Несмотря на методологические слабости школы, к которой принадлежат авторы рецензируемых статей (описательность, чрезмерное внимание к внешним чертам явлений, а также недооценка экономических факторов в городской жизни), рассматриваемый номер журнала в целом представляет известную ценность. Он вводит в научный оборот немало фактов, характеризующих процессы урбанизации среди трех крупных народов Ближнего Востока — турок, персов и арабов. Между тем именно особенности городской жизни этих народов изучались недостаточно, или, если выразиться осторожнее, медленнее, чем идет сама урбанизация. Поэтому статьи рассмотренной подборки заслуживают внимания этнографов-ориенталистов и географов-страноведов — специалистов по ближневосточному региону.

В. В. Покишиевский

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Л. А. Файнберг. Очерки этнической истории зарубежного севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М., 1971, 279 стр.

Новая книга Л. А. Файнберга является продолжением его ранее изданного труда «Общественный строй эскимосов и алеутов». В первой книге, основываясь на скрупулезном подборе литературных источников, автор реконструировал общественный строй эскимосов и алеутов в период их переселения в Америку. По его мнению, основой этого строя был род, разложившийся в процессе заселения чрезвычайно трудной для освоения территории и распавшийся на территориальные связи, существовавшие между отдель-

ными эскимосскими и алеутскими общинами. Вопрос о наличии родовых отношений у эскимосов и алеутов долго дискутировался в литературе, и работа Л. А. Файнберга наряду с непосредственными полевыми наблюдениями Г. А. Меновщикова и Д. А. Сергеева в среде азиатских эскимосов¹, несомненно, способствовала положительному решению этого важного вопроса.

Рецензируемая книга посвящена более поздней эскимосской истории — событиям, связанным уже с их пребыванием на тех территориях, которые отдельные группы эскимосов занимают в настоящее время. Рассматривается также влияние контактов с европейским населением на самобытную эскимосскую культуру. Речь идет о чрезвычайно важных проблемах разложения самобытной народной культуры в условиях вовлечения ее в сферу капиталистических отношений. Эти проблемы одинаково важны и с этнографической, и с экономической, и с политической точек зрения. Разложение народной культуры идет разными путями, модели которых пока еще не построены в исторической науке. Между тем, накопление конкретных данных по отдельным этническим группам и по разным территориям несомненно приближает нас к пониманию общих закономерностей подавления капиталистическими отношениями натуральных форм хозяйства и общественных отношений. Книга Л. А. Файнберга дает множество фактов такого рода, относящихся к американской Арктике и Гренландии.

Автор сгруппировал материал по региональному принципу. В восьми главах рассмотрены последовательно исторические судьбы эскимосов Аляски, канадской Арктики, Лабрадора, Западной Гренландии в XI—XVII в., Западной Гренландии в XVIII—XX вв., полярных эскимосов, эскимосов Восточной Гренландии. В первой главе дается основанный на результатах новейших археологических раскопок краткий обзор древней истории американских эскимосов и основных этапов их расселения по арктическому побережью Америки из области Берингоморья.

В книге использован очень широкий круг источников и литературы, что, несомненно, объясняется сложностью проблематики и стыковым характером темы. Это археологические и этнографические работы об эскимосах в целом и об отдельных территориальных группах эскимосского народа, исторические сочинения и дневники путешествий, экономическая литература об освоении американского Севера, большое число трудов по географии американской и гренландской тундры, о пушной и промысловой охоте, промысле морского зверя и т. д. Из всех этих работ данные извлекались по крупицам. Следует отметить отсутствие обобщающих монографий по теме книги. В результате перед нами довольно полная, насыщенная фактической информацией, впервые собранной воедино, картина жизни и этнической истории эскимосов Америки и Гренландии за последние пятьсот лет.

В исследовании прослежены процессы, которые происходили по всему американскому Северу и в Гренландии в результате контактов эскимосов с европейцами. По сути дела, натуральное хозяйство заменяется товарным, стираются многие специфические особенности традиционной культуры, сильное проникновение в местные культуры европейских элементов. В результате происходит утеря национальной специфики и деформация традиционной культуры. Автор проследил этот процесс как в общих чертах, так и в отдельных территориальных группах, где специфика его определялась географической средой, преобладающей формой хозяйства, степенью изоляции от европейского влияния и другими локальными факторами. Даже эскимосы Туле, находившиеся до недавних пор в особом положении благодаря фактории, созданной К. Расмуссеном, потеряли сейчас это свое привилегированное положение из-за постройки городской авиабазы в 1951—1952 гг.

Отход эскимосов от традиционных промыслов, переход к европейскому образу жизни, алкоголизм и различные болезни породили неблагоприятную демографическую ситуацию, убедительно показанную Л. А. Файнбергом на примере расчета демографических характеристик для многих районов. Такая неблагоприятная ситуация еще больше усиливает денационализацию эскимосов.

В заключение два замечания. Специальный раздел главы пятой посвящен взаимодействию норманнской и эскимосской культур в западной Гренландии. К сожалению, автор лишь бегло касается вопроса о причинах вытеснения норманнов эскимосами. По общему ходу изложения видно, что он считает причиной этого большую культурную адаптивность эскимосов к условиям существования. Однако экстремальный характер этих условий ставит задачу огромной трудности и перед человеческим организмом, непременно требуя от него высокой биологической адаптивности. Большое число разнообразных морфофизиологических исследований показало исключительную приспособленность эскимосов по сравнению с европейцами к местным условиям, что тоже не могло не способствовать большей выживаемости эскимосских популяций.

Описывая находки на мысе Крузенштерн в заливе Коцебу и в целом сочувственно излагая концепцию Дж. Гиддинга о связи развития китобойного промысла с изменениями фауны, Л. А. Файнберг упрекает его в чрезмерном географизме. Этот упрек кажется недостаточно обоснованным. Уровень Тихого океана действительно менялся на протяжении четвертичного периода и даже в последние тысячелетия в широких пре-

¹ Г. А. Меновщикова, О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов, «Сов. этнография», 1962, № 6; Д. А. Сергеев, Пережитки, отцовского рода у азиатских эскимосов, там же.

делах, что доказано и геологическими и палеофаунистическими наблюдениями². В связи с активной тектоникой и общими изменениями уровня океана колебался и уровень воды в Беринговом проливе, что, конечно, оказывало огромное влияние на численность китов и вообще морского зверя. При зависимости от морской охоты всего цикла жизни эскимосов в районах Берингоморья численность поголовья морских животных имела и имеет решающее значение для процветания эскимосских популяций.

Очень жаль, что книга издана без иллюстраций и, что самое главное, как и подавляющее большинство других книг, выходящих в издательстве «Наука», без указателя, что затрудняет пользование ею как справочным пособием.

В. П. Алексеев

² Сводка данных: Г. У. Линдберг, Четвертичный период в свете биогеографических данных, М — Л., 1955.

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

R. A. Gould. *Yiwara: foragers of the Australian Desert*. New York, 1969, 240 p.

Автор рецензируемой книги, американский этнограф и археолог Ричард Гоулд, известный своими работами об индейцах Калифорнии, в 1966—1967 гг. совершил экспедицию в один из наименее освоенных выходов из Европы районов Австралии — пустыню Гибсона.

Коренное население пустыни Гибсона, говорящее на языке питджантджара, довольно хорошо изучено, но о нем еще не было опубликовано исчерпывающего, всестороннего этнографического исследования. Гоулд тоже не претендует на это, подчеркивая, что его книга — скорее рассказ о жизни отдельных аборигенов, с которыми он сталкивался во время своей экспедиции, чем сухой научный трактат.

Тем не менее автору удалось в этой небольшой по объему, очень живо и доступно написанной книге весьма полно изобразить жизнь тех немногих оставшихся в живых коренных жителей Австралии, которые в настоящее время, как и тысячи лет назад, кочуют по пустыне в поисках пропитания, а также показать, какие изменения в их традиционном образе жизни происходят под влиянием контакта с англо-австралийцами.

Большое достоинство книги, что она написана на основании собственных наблюдений автора. Гоулд стремился описывать только то, что видел своими глазами, о чем получил информацию непосредственно от аборигенов.

Первая глава «День с людьми пустыни» — это подробнейший рассказ об обычном дне небольшой группы аборигенов, состоявшей из 13 человек, связанных узами родства и свойства. Говорят они на нгататджара — одном из диалектов питджантджара. Во время сухого сезона эта группа добывала себе пищу в местности Партджар, в центре пустыни Гибсона, в 150 милях северо-западнее Уорбертон Рэнджес. Гоулд очень подробно описал все, что делали эти люди в течение дня, час за часом, от восхода до заката.

Такой прием позволил автору познакомить читателей с хозяйством нгататджара (так называет их автор), описать охоту и собирательство, изготовление орудий, приготовление пищи — словом, их повседневную жизнь.

Столь полное и подробное описание жизни австралийских аборигенов является, несомненно, главным достоинством книги Гоулда, так как в других работах, посвященных аборигенам, подобные описания, как правило, отсутствуют. Повседневное наблюдение за деятельностью группы аборигенов, ведущих традиционное присваивающее хозяйство, привело Гоулда к убеждению, что в основном все мысли и действия аборигенов сосредоточены на добыче средств существования. Обитателям пустыни Гибсона приходится прилагать много усилий, чтобы просто выжить (стр. 72).

По наблюдениям Гоулда, аборигенам, живущим в пустыне, редко удается добыть крупную дичь, такую, как кенгуру или эму, поэтому они вынуждены гораздо чаще питаться растительной пищей, чем мясной. Так как растительную пищу добывают и готовят женщины, Гоулд называет их «опорой экономики», подчеркивая тем самым, что собирательство играет в жизни аборигенов большую роль, чем охота (стр. 18).

Вся материальная культура нгататджара великолепно приспособлена к подвижному образу жизни, к постоянным переходам с места на место. Это проявляется, прежде всего, в уже неоднократно отмеченных многими исследователями немногочисленности и полифункциональности орудий, а также в том явлении, которое Гоулд назвал *instant tools*. Это случайные, необработанные камни, палки и т. д., которые используют для различных целей один раз, а затем выбрасывают. Бродячий образ жизни приводил к тому, что гораздо важнее было для них научиться определять полезные свойства естественных предметов и использовать их, чем обременять себя переноской настоящих орудий (стр. 82—83).

Общественные отношения и социальная организация нгататджара охарактеризованы Гоулдом очень бегло, что, вероятно, обусловлено научно-популярным характером книги. Тем не менее он указал на существование у нгататджара патрилинейных тотемических групп и шести секций, регулирующих браки.